

...есть детская игра: десять ребят ходят вокруг девяти стульев, по хлопку ведущего садятся, один оказывается лишним.

Девятый стул убирают и один участник выбывает, тот, который не успел занять место по хлопку.

Теперь вокруг восьми стульев ходят девять участников и т.д.

Как-то раз я был свидетелем варианта такой игры: стулья один за другим убирали, а ребята оставались, заканчивалось соревнование тем, что всем десятерым надо было усесть на один стул.

Ты бы видел, с каким азартом ребята помогали другу другу, поддерживали, цепляли.

Обрати внимание, они не побеждали себя и других.

Они решали задачу.

И решили.

Справились с задачей, с противоречием – не с собой.

Гражданином может быть только свободный человек, который всегда ощущает себя в пространстве альтернатив и осознает ответственность за свой выбор, за свои предпочтения. Ответственность перед окружающими, но прежде всего перед самим собой, потому что тот, кто перед собой не отвечает - ни с кем не считается.

Вот почему способность ответственно выбирать – одна из ключевых характеристик гражданского поведения в обществе.

Куда бежим, ребята?

М.Х. Если я правильно понимаю, неявно ты утверждаешь, что основные причины конфронтации этносов, религий, культур так или иначе связаны или даже порождены разрывом поколений. Полагаю, что такое видение нынешней ситуации неоспоримо не только для меня. На чем оно основано?

Б.Х. Прежде всего на том, что дисбаланс экономики и уровня жизни порождает огромные пустоты. В связи с мощным развитием технологий к концу XX века миллионы молодых людей с их «термоядерной» энергетикой «выдавлены» из сферы трудовой, прежде всего творческой деятельности.

Индустриально развитые страны, накопившие колоссальный ресурс, вместо того чтобы использовать его по максимуму для организации осмысленной жизни миллионов невостребованных людей, направлять эти ресурсы в образование и культуру, по-прежнему вкладывают накопленный ресурс в совершенствование военных технологий и производство новых видов вооружения. А уж найти ему применение охотников, недовольных нынешним миропорядком, выше крыши.

Вот почему я утверждаю, что отныне весь интеллектуальный и материальный ресурс должно вкладывать в развитие человека, используя время, традиционно называемое свободным, не только для отдыха (от чего?), но прежде всего для продуктивной творческой деятельности.

Именно продуктивной, потому что занятые пустопорожним делом люди очень быстро обнаруживают иллюзию своей занятости, которую справедливо расценивают как непричастность к жизни. А пустота порождает страх! Ощувив его, они начинают искать хотя бы иллюзию опоры. А кто оказывается среди этих людей? Тот, кто хуже образован и мало что умеет. Молодежь, не успевшая получить полноценное образование и приобщиться

к созидательной творческой деятельности. Или та ее часть, которая специально нацелена и подготовлена к разрушению.

Идея строительства общества потребления себя исчерпала: человек накопил кучу тряпок, машины, развлечения меняет, как перчатки, уже и в сексе не находит удовлетворения. Что дальше? Ничего. И потому с ужасающей интенсивностью культивируются простейшие псевдоформы жизни, суррогаты занятости, не требующие особой подготовки и творческих усилий, – поп-культура, квази-игры, наркотики, война.

М.Х. *А что не суррогат?*

Б.Х. Социально-позитивное творчество. Любая деятельность, соотношенная с культурными ценностями. А что, ты возьмешься утверждать, что жизнь в стране, на планете в целом, обустроена? И нет проблем, которые требуют колоссальных творческих усилий? Мы же с такой скоростью гонимся за скоростью, что в погоне за ней несем колоссальные потери.

М.Х. *Мой приятель, горвосходителем из Бишкека, говорил: скорость движения группы должны задавать не те, кто идет впереди, а отстающие, потому что первым все равно придется дожидаться, пока придут последние.*

Б.Х. Очень близко. Вот я и спрашиваю: куда бежим? Или хоть кто-то знает, куда и когда надо добежать? Никто. И потому все большему числу людей остается одно: потреблять, оглушая себя разного вида наркотиками.

Я не против скорости, я против жертв ради скорости. Я понимаю, за все надо платить, но платить соразмерно, то есть жить по средствам, иными словами, в зоне ближайшего развития. А человек стремится бежать так, чтобы сзади уже никого не было, но это – убогая идея. Как Икар – рвануть ввысь, не подумав о том, что ресурсов на рывок нет никаких. Но за чьим-то подвигом всегда стоит чья-то глупость. Потому-то в обустроенной жизни ему места нет и быть не может.

М.Х. *Но не будь прорывов, подобных икаровскому, не было бы и развития. К тому же, ни Икара, ни Прометей – ряд имен можно продолжить – никто ни к чему не побуждал, они сами устремились к своим свершениям.*

Б.Х. Спорить не буду. Замечательно, если человек действует в соответствии со своим свободным выбором. Однако мне всегда хочется выяснить подоплеку: с чем связана жертва? Легенды

и мифы несут свои смыслы, но кто-то, когда-то и с какой-то целью их придумал.

Все, кто внимательно читал пьесу Шекспира, знают, что Ромео воспарил к Джульетте после фиаско с другой женщиной. Не потому ли их любовь была столь неврогенной и драматичной? Так нередко случается, если человек действует из компенсаторных соображений, в состоянии аффекта. А что такое аффект? Это сужение сознания до такой степени, что человек начинает руководствоваться единственным мотивом. В итоге может даже подвиг совершить, который затем будет интерпретирован в контексте культуры. Что при этом с человеком происходило, сюжет отдельный, человечеству неинтересный.

Теперь переведу взгляд с литературы на реальную жизнь. Неужели надо было миллионы людей положить, подвигов насочинять просто невероятное множество – и все для того лишь, чтобы понять ужас тоталитарных режимов?

Я убежден, что, «поставив» на мысль, на мышление, все можно сделать иначе. Примеры же возвышенные, описанные в мифах и легендах, – это, увы, все те же архаизмы, которые повисли на нас и не дают расстаться с прошлым. И вне мышления вопрос о том, как сжечь время, чтобы занять пустоту, становится одним из ключевых. Более того, на его разрешение тратятся колоссальные деньги, а те, что на этом зарабатываются, вновь на ускорение и сжигание вкладываются.

М.Х. Поясни.

Б.Х. Я с этого начал, говоря о псевдоформах жизни, суррогатах занятости, куда отношу так называемые игры, большинство из которых на самом деле давно утратили свою первоизданную природу, и уж тем более спорт.

М.Х. Даже спорт, едва ли не самая «населенная» сфера самореализации личности, по-твоему, – суррогат?

Б.Х. У меня сложное отношение к спорту. На мой взгляд, это чрезвычайно мощная система не самореализации, а разрушения личности. В нем заложена идея победы, которая, как и подвиг, абсолютно архаична.

М.Х. Но идея победы, стремление быть первым заложена не только в спорте. Автор гениального произведения или ученый, открывший новый закон, оставляют свое имя в истории...

Б.Х. Очередная подмена. Некто сотворил нечто, что он и окружающие трактуют как победу, после чего начинают ее превозносить. Но что в конце концов произошло? Этот некто достиг вершины, пережил акмэ, почувствовал себя. Все. Поэтому я категорически против интерпретации творческих достижений как победы. Не случайно это слово связано с другим – с поражением. Потому что всякий раз надо победить кого-то или что-то.

М.Х. *В очередной раз, как дятел, скажу: свою нерешительность, слабость, трусость.*

Б.Х. А я в очередной раз с тобой соглашусь. Только теперь спрошу: кого человек в себе побеждает и куда девается проигравший? Я-то давно знаю, что он никуда не исчезает, живет во мне, в нас, и ждет своего часа. И потому его боюсь. Понимаю, что он живет во мне с идеей реванша. Когда наши древние предки расстались с дикостью, они вместо того, чтобы убивать побежденных, стали брать их в плен. И на этом погорели. Потому что потерпевшие поражение люди всегда стремятся к реваншу.

М.Х. *Предлагаешь вернуться к обычаям дикости?*

Б.Х. Ну, эту-то дилемму я рассматриваю очень просто. Если радикально исходить из идеи победы, доводя ее до рафинированной формы, то да, побежденного противника надо уничтожить. Но, оказывается, и это не выход. Ведь человек существует только через приобщение к другим людям. Поэтому, убив себе подобного, человек убивает себя. Либо... создает в себе инстанцию, которую отныне сам же все время боится.

Но поражение от победы ты сам не должен отличать

М.Х. *Отказываясь от идеи победы, ты отказываешься и от идеи соревнования, за которой стоит не только спорт, но и физическая культура...*

Б.Х. Нет, но соревнования хороши до тех пор, пока не становятся самоцелью. Нормально, пока идея соревнований остается служебной. Нормально, если я радуюсь, что мне удалось добежать до рекорда, а удалось это мне потому лишь, что бежали мы все вместе. Или мы это сделали потому, что кому-то удалось прибежать первым и тем самым показать, что такое возможно.

М.Х. *А в истории остается только тот, кто добежал первым.*

Б.Х. Ничего подобного. Человечество хранит в памяти имена и дела тысяч людей, никогда не игравших первые роли, оно помнит и вторых, и пятых, и даже десятых. То, что в истории якобы остаются только чемпионы – это ложь тех, кому выгоден такой миф, на нем удастся наживаться.

Что же до соревновательности, то ее природу глубоко исследовал Джером Брунер, американский психолог, автор новой образовательной парадигмы в США. В частности, он утверждает, что увлечение играми очень опасно: охваченный азартом человек перестает играть, для него то, что раньше было игрой, перестает выполнять свою важнейшую функцию познания и приспособления к миру. То есть человек играет до тех пор, пока осознает, что нечто имитирует. Вспомни пацана, который «скачет» на палке, изображая конницу Буденного: он понимает, что под ним не лошадь, а палка, вот в чем секрет. Но он своей причастностью преобразует ситуацию, одновременно понимая всю условность происходящего. Так же и с игрушечным пистолетом. Но стоит взять в руки настоящее оружие, игра заканчивается... Точно также она заканчивается, когда мы доводим игрушки до совершенства, не оставляя в них какого-либо имитационного элемента.

Олимпийские игры и чемпионаты мира давно превратились в сражения сродни военным. Поэтому, говорю я, соревнования - вещь замечательная до тех пор, пока люди соревнуются за что-то, а не между собой. Не должно быть цели преодолеть всех – все хуже меня, я лучше всех. Цель соревнования должна быть в том, чтобы доказать себе: я что-то могу, что-то достиг, сделал и т.д. Увы, произошло смещение смыслов: главным стало достижение первенства, да еще любой ценой, а не прорыв к новым границам человеческих возможностей.

М.Х. *Ты хочешь сказать, что если мы признаем игрока лучшим в его виде спорта, в стране или в мире, то означать это должно одно: коль скоро он может так играть, то и вы, по принципу, можете?*

Б.Х. Да, потому что в его лице человечество вышло на новый уровень развития, неважно в чем. И произошло это, да, благодаря соревновательной практике, которая ускоряет движение к более высокому уровню совершенства в данной области деятель-

ности. Но это в моем представлении, в реальности же такое движение слишком часто смещается в бессмыслицу.

Как и в наращивании скоростей передвижения. Скорость автомобиля осмысленна до какого-то предела, после чего эта машина должна трансформироваться в самолет, затем в ракету и, далее, в любое средство передвижения, которое у нее перехватит эстафету! Мы же не можем остановиться. Чтобы определить победителя в беге на короткие дистанции, мы начинаем отслеживать миллиметры и считать тысячные доли секунды! А потом зарабатываем на борьбе с наркоманией и допингом, с запрещенными препаратами. Сначала вынудили людей их принимать – и тут же запретили. Это ли не движение в бездну?

Так что идея безусловной и во всем победы – это еще одна из идей, взятых в музей. И человечеству придется с ней разбираться, развивая такие стороны того же спорта, которые ведут к развитию и совершенствованию, а то, что в нем человека губит, отправляя безвозвратно в утиль.

Возвращаюсь к исходному вопросу: я за физическую культуру, за укрепление своего здоровья, за игры, которые, позволяя каждому участнику ощутить себя, не позволяют другому или за счет другого получить отрицательные эмоции.

М.Х. *Но согласишься, даже на школьных уроках физкультуры, если соревнуются две команды, одна выигрывает, другая проигрывает.*

Б.Х. Да, и потому я против спорта.

М.Х. *Тем самым, буду настаивать я, против культуры, в которой спорт занимает одно из важнейших мест.*

Б.Х. Нет, я, разумеется, не противник культуры. Но вопрос остается. Необходимо понять, что в современном спорте рационально и осмысленно, а что архаично. Первое развивать, от второго постепенно отказываться. И потому меня радует, что уже получают распространение виды соревнований, которые спокойно справляются с идеей победы.

Например, есть детская игра: десять ребят ходят вокруг девяти стульев, по хлопку ведущего садятся, один оказывается лишним. Девятый стул убирают и один участник выбывает, тот, который не успел занять место по хлопку. Теперь вокруг восьми стульев ходят девять участников и т.д. Как-то раз я был свидетелем варианта такой игры: стулья один за другим убирали, а ре-

бятя оставались, заканчивалось соревнование тем, что всем десятерым надо было усесть на один стул. Ты бы видел, с каким азартом ребята помогали друг другу, поддерживали, цепляли.

Обрати внимание, они справились с задачей – не с собой. Они не побеждали себя и других, не ломались, как в спорте высших достижений, не карабкались на вершины Олимпа, чтобы затем заплатить за это не только своим здоровьем – всем своим будущим. Потому что сегодня чем больше усилий надо вложить в победу, тем раньше приходится со спортом расставаться. Разве мало чемпионов вынуждены покидать спорт не по возрасту, а из-за травм, оставаясь на все последующие годы людьми духовно опустошенными, без достойной пенсии, без профессии, потому что стать успешным тренером или спортивным чиновником дано отнюдь не каждому. Я остаюсь при убеждении, что спорт со всей его красотой для миллионов зрителей – это место таких человеческих трагедий, каких свет не видывал. Я понимаю, что человек должен страдать. Я уже говорил об этом. Но творить страдание!..

М.Х. *И все же проблема, которую ты поднимаешь – это, на мой взгляд, проблема не спорта как такового, как сферы деятельности, а мирового сообщества, которое согласилось с глобальной политизацией спорта высоких достижений, тон чему, кстати, задали гитлеровская Германия, вспомни Олимпийские игры 1936 года, и Страна Советов сразу после второй мировой войны. Одновременно спорт стал мощнейшей отраслью индустрии, превратив спортсменов в средство получения сверхприбылей. А любительским спортом, согласишься, увлекаются миллионы нормальных, не обремененных высочайшими достижениями, людей, для них он остается не столько средством укрепления здоровья, сколько отдыхом и развлечением.*

Б.Х. Да, но культивируется он только потому, что служит источником пополнения элитарного и упомянутых тобой сверхприбылей. Разумеется, я понимаю, что борюсь с ветряными мельницами. В том числе потому, что спорт дает работу миллионам людей, стимулирует развитие науки, инженерии, техники. Как, заметь, и война!.. Но я спрашиваю: войдя в третье тысячелетие, мы по-прежнему будем считать то и другое непреходящими ценностями? Или наконец-то признаем пережитком варварства?

Учить доверию

М.Х. *Давай вернемся к разрыву поколений. Конечно, проблема отцов и детей существовала испокон веков, не Тургенев о ней первым написал. И все же: почему такого масштаба разрыв поколений достиг именно сегодня, к концу XX века? В ситуации, когда человечество, вооружившись мощнейшими технологиями, вплотную подошло к критической черте, за которой...*

Б.Х. Ответ в твоем вопросе. И вроде бы, мы уже подступали к этой теме. Развивая в стремлении к «прогрессу» орудийные средства взаимодействия с окружающим миром, в итоге планету изменив до неузнаваемости, заодно постоянно воспроизводя прежние отношения, человек не осознал, что ему необходимо менять самого себя. По сей день человечество, уже выходя в космическое пространство, в психологическом и социальном плане живет не будущим, а прежними правилами и представлениями.

Обнаружив этот разрыв, молодежь оказалась перед грустной перспективой. Быть такими, как бабушки-дедушки, папы-мамы, она не хочет, альтернативы не видит, и сбежать некуда! Но если, говорят молодые, все, чего вы добились, и есть наивысшая точка успеха, то зачем нам ваше образование, ваша культура, ваши этические нормы?

Ситуацию, предопределенную всеобщим разочарованием и поиском спасительных путей словно бы предвидела Маргарет Мид, описавшая, подразумевая взрослость и детство, три типа культур.

В соответствии с первым, поколение отцов, определяя свой путь, стремится к воспроизводству тех схем жизни, что были выстроены предками, и, действуя по принципу «я все знаю, следуй за мной, делай, как я», тащит за собой детей. Иначе говоря, детство копирует, повторяет взрослость.

О втором типе свидетельствуют попытки детства и юности, оттолкнувшись от старших поколений, создать свои формы жизни. В результате «здесь и теперь» сосуществуют разные субкультуры. Именно такой тип, на мой взгляд, присущ нынешнему российскому обществу: между нами, старшими, и нашими детьми пролегла огромная дистанция с неопределенными границами. Наблюдать это можно во многих семьях.

Для чего мы организовали «Мир без конфронтации»? Что, собирая в одном пространстве людей разных возрастов, пытаемся сделать? Для того, чтобы границы между поколениями оформить, чтобы подростки и взрослые начали совместно обсуждать свое единство и свои различия, принимать границу и ценность другого как раз в его инаковости, потому что, если все будут такими, как я, жизнь будет сплошь монотонной и предельно неинтересной. А интересно человеку жить именно потому, что он окружен другими.

И есть, говорила Маргарет Мид, или будет третий тип культуры. Это когда дети начинают идти впереди взрослых, которые начинают учиться у детей.

М.Х. Это как?

Б.Х. Не знаю. И Мид на твой вопрос не ответила, она лишь предвидела время, некоторые признаки которого можно заметить уже сегодня. Например, дети гораздо эффективнее взрослых работают с компьютерной техникой, с информационными технологиями, нынешние дети быстрее, мобильнее, избирательней, точнее.

Позволь сделать шаг в сторону. Как-то на уроке в младшей, обрати внимание, школе я спросил детей, кто кого лучше понимает: взрослые детей или дети взрослых? Конечно, мы лучше, ответили школьники. Но это же парадокс, сказал я, как такое может быть? В ответ ребята быстро нарисовали два кружочка, один внутри другого, подразумевая, что внутренний – это дети в окружении взрослых. И пояснили: взрослость имеет две границы: с детством – маленькую, а с окружающим миром – большую, поэтому взрослый человек, вынужденный гораздо больше внимания уделять внешнему миру, слабее реагирует на сигналы из внутреннего кружочка.

Спустя несколько лет я встретил мальчика из того класса, студента университета. Вспомнив те кружочки, он исходя уже из своего опыта последующих лет добавил, что мы не чувствуем себя до тех пор, пока что-то у нас не заболит, будучи уверены при этом, что уж себя-то мы понимаем, знаем и собой управляем. Но заняты мы все активное время внешним миром, а боль, как правило, приходит ночью... когда ты пересташь суетиться. Точно так же и взрослый человек: он не замечает детей до тех пор, пока они не причинят ему боль. Дети внутри нас, они наше

продолжение, наша, простите за несимпатичный образ, печень, и, пока она не взбунтуется, мы ею не обеспокоены.

А для ребенка его окружение – единственное условие жизни, других-то вообще нет, все вокруг – сплошная взрослость, и надо исхитриться, вывернуться наизнанку, чтобы организовать свой собственный мир. Малыш этого сделать не может, разве что в игре. В ней он режиссер, копирующий взрослых и проводящий собственные эксперименты, пройдя через которые, ребенок начинает создавать свое сообщество.

М.Х. *Так скажи, что мы, становясь родителями, должны знать, в том числе с учетом нынешних проблем, связанных с необходимостью формировать толерантность?*

Б.Х. Ничего себе вопросик! Думаю, что в ребенке надо пробуждать созидающее любопытство и доверие. Кстати, доверию научить труднее, чем недоверию.

М.Х. *А как ты относишься к тому, что якобы японским детям до школы дозволяется делать все, что их душе угодно?*

Б.Х. Как к очередной легенде. Японцы лукавят, потому что они в отличие от нас всегда доверяют некому контексту ситуации, в которой ребенку якобы разрешается все. Они понимают, что факторы среды, система отношений, в которую включен ребенок, достаточно сильны и влияют на него в должном направлении. Не всегда надо говорить «делай то-то» или «делай так» – достаточно сформировать среду, которая поставит преграду иному поведению.

Можно ли учиться у шамана?

М.Х. *Считаешь ли ты, что мировое сообщество осознало проблемы, порождаемые ростом интолерантности, в том числе проблемы, связанные с разрывом и конфронтацией поколений?*

Б.Х. Да, на мой взгляд, оно приближается к пониманию важности этих проблем. Один из знаков меняющегося мира я вижу в том, что все более активно начинается сама идея толерантности, должная лечь в основание новой культурной традиции, и это есть важнейший, хотя не все исчерпывающий момент гражданского образования и формирования гражданс-

кого общества. Все больше людей начинают понимать, что по любым спорным вопросам надо вести переговоры, искать формы сотрудничества, кооперативного бытия, начинают учиться критическому мышлению, обсуждать методы анализа и разрешения конфликта, преодоления агрессивных форм поведения.

М.Х. *Позволь вопрос: какое содержание ты вкладываешь в понятие и практику гражданского образования? Формирование политической культуры, или, как говорит Петр Щедровицкий, принципов культурной политики? Способность к самоопределению? Еще что-то?*

Б.Х. Попробую ответить. Гражданином может быть только свободный человек, который всегда ощущает себя в пространстве альтернатив и осознает ответственность за свой выбор, за свои предпочтения. Ответственность перед окружающими, но прежде всего перед самим собой, потому что тот, кто перед собой не отвечает, – ни с кем не считается. Вот почему способность ответственно выбирать – одна из ключевых характеристик гражданского поведения в обществе.

А дальше вопрос: где и когда начинают возникать ситуации личного выбора и каков его механизм? Можно ведь выбирать лучшее из худшего, наименее плохое, выбирать методом «тыка», перебора, бросая жребий... Системы выбора всегда внутренне конфликтны, и, чтобы научить человека быть свободным, ему эту конфликтность надо раскрыть, она должна перестать быть для него тайной, не высказывать неожиданно, как черт из табакерки. Конфликт – не то, что с человеком происходит, а что он сам с собой творит.

Возмущаясь, взрослые часто задают своим детям вопрос: «Ну, как ты себя ведешь»? Вслушайся, как звучит: как – ты – себя – ведешь?! Да никак он себя не ведет, хотя не сможет в этом никого переубедить. Потому что вменение другому человеку, что он «сам себя ведет», требует серьезных оснований.

Не знаю, удовлетворен ли ты таким ответом, но возвращаюсь к распространению идеи толерантности, в чем я вижу один из важнейших признаков меняющегося мира. При этом любая идея, которая мгновенно распространяется в обществе и захватывает массы, вначале принимается в редуцированной и даже карикатурной форме. Но это неизбежно.

Пятнадцать лет назад я познакомился с Головахой и Кроником на харьковской конференции по методологическим основаниям науки, где началось обсуждение идей конструктивной психологии и конструктивного конфликта, которые интересовали меня. В частности, меня интересовал вопрос, почему психология всегда тащится следом за цивилизацией, как военно-полевой госпиталь за армией? Почему психология всегда рассматривается как помощь убогим, несчастным, которых порождает цивилизация?

Я тогда утверждал, что сам по себе конфликт не следует оценивать знаком плюс или минус, это лишь показатель противоречий, которые надо уметь разрешать. И потому надо не дожидаться, пока он проявится, а идти навстречу – уметь его конструировать. Примеры такой практики уже были, только так их не обсуждали, не рефлексировали, как говорят психологи, и потому она была не столь эффективной. Скажем, в идеологии развивающего обучения любая учебная задача – это специальная конструкция, где учебный материал дан в своей целостности и одновременно в разрыве – как нечто недоделанное, поэтому ученик должен какие-то позиции преобразовать, связать и решить. Разрывы – это и есть конфликт. Но, работая с детьми в обучающем режиме на сконструированных конфликтах, мы учим их преобразовывать материал и решать задачи без рефлексии своих действий, направленных фактически на разрешение конфликта, а потому не формируем у них конфликтной компетентности. Кстати, и врачам точно также давно пора заняться конструированием здоровья, а не лечением больных.

Тогда же, в Харькове, мы договорились публично обсудить эти вопросы, пригласив интересующихся коллег в Красноярск. И хотя первую конференцию мы аккуратно назвали «Проблемы самоопределения», на меня с жесткой критикой, исключаящей диалог, «наехали» традиционные психологи, напрочь отрицавшие любые мои тезисы. Отбившись, мы провели вторую конференцию, назвав ее «Конструктивная психология», а уж третью и вовсе назвали «Конструктивная психология конфликта»!

М.Х. *И здесь ты видишь ресурс формирования толерантности, которая может прорасти и начать разрешать межкультурные, межэтнические и прочие конфликты?*

Б.Х. Нет, так глубоко я не копал. Я просто думаю в первую очередь обратиться к себе. Спросить себя, а умеем ли мы понимать других, входить в коммуникацию, работать в действительном режиме сотрудничества?

М.Х. *Себя вы, как я понимаю, спросили.*

Б.Х. Себя мы спрашиваем постоянно. И точно также спрашиваем своих гимназистов. Именно с этой целью Вячеславом Башевым с коллегами разработан для девятиклассников курс «Введение в социальные проблемы». Его задача: научить ребят анализировать и решать реальные, волнующие их проблемы.

Конечно, уровень включения и понимания разный. Порой мы сталкиваемся даже с экстремистскими, милитаристскими, а по существу дела компенсаторными позициями. Но это меня беспокоит в меньшей степени. Потому что, обсуждая любые проблемы, в том числе Чечни, как свои, подростки проявляют свою причастность. Прорисовывая ситуацию на мыслительных конструкциях, в критическом подходе, они рефлектируют и обсуждают ее так, словно они в нее втянуты, а не как нечто, что где-то там с кем-то происходит. Но представляешь, как должен быть готов к таким занятиям педагог!

М.Х. *Коль скоро мы наконец-то «дошли» аж до Чечни, спрошу вот о чем. В культуре народов Кавказа особое место занимает традиция кровной мести, которая, если я правильно понимаю, ставит запрет на переговоры. Так что, в гражданском обществе она должна быть элиминирована?*

Б.Х. Здесь, на мой дилетантский взгляд, мы сталкиваемся с проблемами не культуры, а цивилизационной динамики. Одни сообщества движутся в авангарде цивилизации, другие отстали; возникает вопрос: можно ли осуществлять экспансию из развитых форм в неразвитые, ускоряя их движение? Ответа у меня нет, в подобных вопросах требуется проявлять осторожность и предельную тактичность. С другой стороны, этично ли целенаправленно устраивать сегрегации?

Сегодня известны только две модели: навязывать свои принципы организации жизни или стремиться жить изолированно. Не хочешь наткнуться на неприемлемое для тебя или неведомое, о чем ничего не знаешь, – сиди дома за своим забором, не высывайся. А ежели идешь в мир, беря за образец третью мо-

дель, то сначала подумай, изволь научиться разговаривать с людьми, вести переговоры, договариваться. Если ценность – жить в мире с другими, то главной становится сама встреча.

Эта третья модель вытекает из идеи толерантности, хотя здесь есть тонкий момент, ведь сама она была порождена в цивилизационно продвинутых сообществах, в авангарде современной, то есть, западной, культуры. Более того, принцип экспансии вытекает из практики патернализма: взрослые и более развитые опекают «детей». Не случайно же представителей архаичных культур часто именуют детьми. Но тогда звучит вопрос Маргарет Мид, выдающегося американского этнографа, о выборе стратегии: накладывать схемы организации жизни взрослых на детство или двигаться за детьми? И ключевыми на данном этапе общественного развития оказываются вопросы образования.

М.Х. *Но кто кого будет образовывать? Мы что, пойдём учиться к неким дикарям с набедренными повязками? Кто будет обучать юношество химии и физике? Новые менделеевы и эйнштейны или вождь какого-нибудь племени? Шаман, знахарь учить современного профессора?*

Б.Х. Но древние лекари, о чем ты знаешь не хуже меня, слышали пульс несопоставимо лучше оснащенных современной техникой кардиологов. Вспомни схему, которую мы уже обсуждали: я допускаю свою наивность относительно мудрости того, к кому в других обстоятельствах отношусь как мудрый к наивному. Допуская его мудрость в какой-то области, я ограничиваю свои претензии на абсолютное знание и правоту в любых ситуациях.

Вот ключевой момент толерантности. И потому самой мощной стратегией ее воспитания остается признание многообразия форм жизни и способов действия. Образование должно быть адекватно этой стратегии. Содержание встречи разно-мудрых с разно-наивными и есть единица образования. Разработка такой, если хочешь, технологии и есть путь к миру без конфронтации.

М.Х. *Признать за каждым человеком его мудрость в том, что нам кажется архаичным?*

Б.Х. Да, при этом я специально избегаю терминов «нация» или «народ», говорю об отдельных людях. Разные группы людей в силу разных причин движутся в пространстве культуры с

разной скоростью. Те, кто держатся за свое прошлое, кто определяет содержание жизни исходя из «музейной мудрости», тормозят свое развитие, хватают себя за хвост, загоняют себя в тупик и фактически занимаются самоуничтожением. Вместе с тем необходимо видеть перспективу, зоны ближайшего развития любой группы. Они всегда разные.

Надо понимать, что все движутся в разном темпе, и это само по себе интересно и значимо для каждого из нас. Потому что это есть нашего времени общий контекст, иной жизни не будет ни у кого из нас. И в этом смысле жизнь другого человека есть одно из условий моей жизни. Но если он будет жить в зависти или в гневе по отношению ко мне, то условия будут нетерпимыми. И от меня зависит, чтобы я не инициировал гнев и зависть.

М.Х *Очень сложно.*

Б.Х Конечно. Поэтому, скажем, в Германии огромные средства вкладывают в социальную поддержку людей с тем или иным дефицитом, в том числе психологическим. Наши германские коллеги исходят из того, что выгоднее поддерживать безделье при сносном существовании, грубо говоря, социально неполноценного человека, с недостаточным ресурсом, иначе его начинает будоражить идея «отнять лишнее» у других. Схема простейшая, но пока она работает.